

УДК 94(47)+94(574)

ББК 63.3(2)5+63.3(5)

Образ казахского народа и казахской степи в «Описании киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей» А.И. Левшина*

О.Е. Гундова

Министерство образования и науки Алтайского края (Барнаул, Россия)

The Image of the Kazakh People and the Kazakh Steppe in the Treatise of A.I. Levshin «Description of the Kyrgyz-Cossack, or Kyrgyz-Kaisatsky, Hordes and Steppes»

O.E. Gundova

Ministry of Education and Science of the Altai Krai (Barnaul, Russia)

В статье анализируется образ казахской степи и казахского народа, созданный известным ученым и государственным деятелем Алексеем Ираклиевичем Левшиным (1798–1879) в его фундаментальном труде — «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей». В работе исследователя степь предстает как огромное отдаленное малоизученное пространство, безводная и бедная растительностью пустыня, пригодная в хозяйственном отношении прежде всего для развития кочевого скотоводства. Восприятие казахского народа А.И. Левшиным, подобно другим представителям европейского образованного общества, происходит в рамках просветительской картины мира и характерной для нее оппозиции «дикости» и «цивилизации». При этом исследователем в большей мере использовалась такая теоретическая модель осмысления «дикого» народа, согласно которой казахское общество находится на более низкой ступени всемирно-исторического развития, нежели цивилизованное общество, к которому относит себя автор. Казахи в восприятии А.И. Левшина — это «полудикие хищники», «кочевые разбойники», пусть и не лишённые совсем положительных качеств.

Ключевые слова: А.И. Левшин, казахская степь, образ казахов, межэтническое восприятие, национальный образ, русско-казахские отношения.

DOI 10.14258/izvasu(2020)2-04

При изучении процесса инкорпорации казахских племен в пространство Российской империи исследователи уделяют внимание различным аспектам

The article analyzes the image of the Kazakh steppe and the Kazakh people, created by the famous scientist and statesman A.I. Levshin in his fundamental work - "Description of the Kyrgyz-Cossack, or Kyrgyz-Kaisatsky, hordes and steppes." In the work of the researcher, the steppe appears as a huge, remote, little-studied space, an anhydrous and poor in vegetation desert, economically suitable, first of all, for the development of nomadic cattle breeding. A.I. Levshin's perception of the Kazakh people, like other representatives of the European educated society, takes place within the framework of an enlightening worldview and its characteristic opposition of "savagery" and "civilization". At the same time, the researcher to a greater extent used such theoretical model of comprehension the "wild" people, according to which the Kazakh society is at a lower stage of world-historical development than the civilized society to which the author relates. Kazakhs, in the perception of A.I. Levshin, these are "half-wild predators", "nomadic robbers", albeit not without completely positive qualities.

Key words: A.I. Levshin, Kazakh steppe, image of Kazakhs, interethnic perception, national image, Russian-Kazakh relations.

взаимодействия российской администрации и казахского народа, в том числе проблемам межэтнических отношений [1–3], однако возникающие при дан-

* Работа выполнена в рамках реализации гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2693.2020.6, проект «Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов»).

ном процессе особенности восприятия друг друга русскими колонизаторами и коренным населением получили недостаточное освещение. Проблеме восприятия казахов и казахской степи русскими исследователями посвящены работы М.К. Бижанова [4] и И.В. Ерофеевой [5], но в центре внимания авторов находятся не сами представления о казахском народе, а различия между перцепцией русских наблюдателей и действительной ситуацией в регионе. Удачная попытка реконструкции образа казахов и казахской степи, существовавшего в конце XVIII — первой половине XIX в., предпринята О.Е. Сухих [6], однако длительное время, прошедшее с момента публикации исследования, вызывает потребность заполнить пробел в историографии данной проблематики.

При анализе взаимовосприятия представителей разных культур большую значимость приобретает понятие «образ». Вслед за Д.-А. Пажо мы будем определять его как «результат существенного расхождения между двумя культурными реальностями, представление чужой культурной действительности, через которое индивид или группа индивидов, создавших этот образ (или разделяющих, или распространяющих его), презентуют и интерпретируют идеологическое пространство, в котором они находятся». Как отмечает ученый, такой образ не следует отождествлять с реальной картиной жизни описываемого народа, так как он является репрезентацией и относится к сфере воображаемого [7, с. 181].

До включения казахских племен в состав империи изучение данного этнорегиона осуществлялось в контексте потребностей внешней политики России и не представляло познавательного интереса для российского общества [8, с. 5], и только во второй половине XVIII в. было инициировано научное освоение казахской степи. Как и в случае с другими окраинными территориями, в условиях географической удаленности данной территории от научных центров империи и ее недостаточной изученности в течение длительного времени важным источником для формирования образа казахов и казахской степи в российском обществе стала литература путешествий — труды ученых, путешественников и чиновников, их дневники, отчеты, статьи в научных журналах [9, с. 287].

Среди работ первой половины XIX в. особое место заняло «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей» (далее — «Описание...»), написанное выдающимся ученым и государственным деятелем Алексеем Ираклиевичем Левшиным (1798–1879). Биографии «Геродота казахского народа» и оценке его вклада в изучение истории и этнографии казахских земель посвящен целый ряд работ [10–14], поэтому в данной статье мы не приводим сведения о личности исследователя.

А.И. Левшин — выходец из дворянской семьи, воспитанный в духе философии Просвещения. Свою научно-исследовательскую деятельность начал во время обучения в Харьковском университете. После получения степени магистра он в 1818 г. поступил на службу в Коллегию иностранных дел, затем был назначен в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. В 1820–1823 гг. А.И. Левшин находился на службе в Оренбургском крае, в то же время он стал публиковать историко-этнографические статьи о казахском народе, которые были признаны европейскими востоковедами: в 1827 г. ученый был избран членом Парижского географического общества, а в 1828 г. — членом Парижского азиатского общества [13, с. 122–125]. В 1832 г. было опубликовано «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей», первая часть исследования посвящена физико-географической характеристике казахской степи, вторая и третья — истории и этнографии казахов соответственно. В 1840 г. работа была переведена на французский и итальянский языки. Труд А.И. Левшина получил очень высокую оценку со стороны мирового научного сообщества и был признан классическим [14, с. 165–166].

В процессе реконструкции образа народа большое значение имеет сложившееся у исследователя представление о территории его проживания. Образ казахской степи, созданный А.И. Левшиным, на наш взгляд, можно представить в виде совокупности характеристик. Во-первых, это малоисследованное пространство. Неизученность степи — это первое, на что обращает внимание автор еще в предисловии к «Описанию...». Далее он говорит о степи как «о крае, почти неизвестном», при характеристике этой территории ученый нередко упоминает о недостатке точных сведений о том или ином предмете [15, с. 12, 19–20, 48–50, 57, 71].

Во-вторых, это область, не имеющая четко определенных границ. А.И. Левшин описывает ее как «огромное пространство», «отдаленный край», ограниченный на западе Каспийским морем, на севере и востоке — российскими и китайскими укрепленными линиями, южные рубежи казахской степи он обозначает «не иначе, как умственной линией, которой направление будет описано весьма неопределятельным образом, ибо ни сами киргиз-казаки, ни южные их соседи точно не знают, где сходятся их земли» [15, с. 19–21].

В-третьих, это местность с пустынным ландшафтом. К общим чертам казахской степи ученый относит безводье, сильную сухость почвы, безлесье, засоленность вод и почв. Степные пейзажи явно произвели на автора негативное впечатление, он неоднократно называет их «однообразными» и «утомительными для глаз» [15, с. 42, 44, 322, 341].

В-четвертых, это территория, богатая ожидающими освоения минеральными ресурсами. По мнению А.И. Левшина, горы в казахских степях «изобилуют разными металлами». Эти природные богатства хранятся «для народов образованных, которые со временем не преминут разрыть подземные клады», ожидают «руки, которая бы разверзла недра их» [15, с. 62, 90].

В-пятых, это территория, занимающая выгодное торговое положение. Через казахские степи осуществлялась торговля России с государствами Средней Азии и Китаем. По мнению автора, выгоды от торговли с казахами значительно превосходят убытки, причиняемые грабежами ими российских караванов. Залогом процветания российско-среднеазиатской торговли ученый видит изменения «народного характера» казахов или обуздание их «вооруженною рукою» [15, с. 97–105, 388, 399].

В-шестых, это местность, усеянная историческими памятниками различных эпох и культур. Большое количество остатков древних зданий побудило А.И. Левшина посвятить им отдельную главу в своем труде. О культурной принадлежности описываемых развалин автор пишет следующее: «одни, сохранив признаки капищ, ламайскому служению посвященных, очевидно, принадлежат мунгалам или зюнгарам, другие похожи на магометанские мечети, третьи суть остатки обыкновенных азиатских жилищ и, наконец, четвертые достигли такой степени разрушения, что не могут подать повода ни к какому заключению» [15, с. 105].

В-седьмых, это территория, в хозяйственном отношении более всего подходящая для занятия скотоводством. Исходя из географической характеристики степи, автор приходит к выводу, что в данной области «слишком мало мест, способных к хлебопашеству», а потому казахам не следует менять «состояние богатых пастухов <...> на состояние бедных земледельцев, и что самые степи их как будто нарочно созданы для кочевой жизни» [15, с. 299–300].

Наконец, в-восьмых, это область, населенная инородцами-казахами. Отметим, что на восприятие иной культуры оказывают влияние плохо осознаваемые, но очень устойчивые ментальные конструкции. Для А.И. Левшина, как и большинства европейцев, такой установкой явилась просветительская картина мира. В соответствии с ней русские путешественники оценивали все народы по шкале, полюсами на которой были, с одной стороны, «дикость», а с другой — «цивилизация». Наиболее цивилизованной признавалась Европа, в состав которой была включена и Россия. Наблюдая иную культуру, путешественник оценивал степень ее «дикости» и «цивилизованности» [16, с. 127]. Неслучайно одной из наиболее часто употребляемых А.И. Левшиным

характеристикой по отношению к казахам является — «полудикие» [15, с. 90, 183, 238, 287, 303].

По мнению П.С. Куприянова, в европейской просветительской мысли сформировались две теоретические модели восприятия русскими путешественниками неевропейских народов. Эти схемы были известны наблюдателям заранее, еще до путешествия. Таким образом, имея в сознании определенный абстрактный образ «дикарей», путешественник при встрече с тем или иным народом воспринимает данный народ в контексте известной теоретической модели [16, с. 127–128, 137].

Согласно первой из них, воплощенной в работах Ж.Ж. Руссо и Д. Дидро, «дикие» народы рассматривались в качестве «счастливого детства человечества, беззаботно жившего по законам природы», а развитие цивилизации считалось искажением этих законов, победой пороков над добродетелями. Преимущество дикарей перед цивилизованными европейцами объяснялось их близостью к природе и проявлялось в их здоровье, физическом совершенстве и обладании исконными человеческими добродетелями: гостеприимством, почтением к старшим, храбростью, добродушием, честностью, стыдливостью, целомудрием [16, с. 128–131].

В рамках второй модели, изложенной в трудах Вольтера, Ж.А. Кондорсе, А. Фергюссона, была сформулирована трехступенчатая схема эволюции человеческого общества: дикость — варварство — цивилизация, в которой дикость — лишь начальный этап его развития. Русские путешественники упрощали данную схему и рассматривали неевропейские народы сквозь призму противопоставления «дикость — цивилизация» [16, с. 131–132]. Восприятие А.И. Левшиным представителей казахской культуры происходило в контексте именно этой модели, поэтому охарактеризуем ее более подробно.

«Дикость» здесь проявляется в нескольких параметрах. Во-первых, отсутствие чистоты в быту и личной гигиены того или иного народа было обязательным атрибутом его нецивилизованности [16, с. 132–133]. Так, казахи «опрятности не соблюдают, моются очень редко, в пище неразборчивы» [15, с. 302].

Во-вторых, «дикарям» свойственны жестокость и злость, они не могут управлять своими страстями [16, с. 133–134]. Казахам, по мнению А.И. Левшина, «думают, что величие состоит в одной жестокости, и что храбрый должен вечно проливать кровь», «под именем храбрости киргизы разумеют хищничество и буйство». Их мстительность привела к возникновению «опустошительного зла», «которое, заняв место законного удовлетворения за обиду, лишило их истинной храбрости и заменило ее всегдашним стремлением к грабежу, которое истребляет, разоряет, развращает их и которому дают они название баранты»

[15, с. 321, 324, 327]. Другими подобными характеристиками, данными казахам А.И. Левшиным, стали «алчный к добыче народ», «слишком привычны к разбоям», «хищники», «издавна привыкший к волнению и грабежам народ» [15, с. 207, 211, 238, 270].

Третьим параметром степени просвещенности народа является отношение к женщинам и склонность к трудолюбию. «Дикарям» чуждо понятие о взаимных обязанностях супругов, они склонны к праздности, созерцательному бездействию [16, с. 134–135]. Так, казахский мужчина «ничем почти не занимаясь, кроме скотоводства, он ни в какое время не видит нужды много трудиться». Казахские женщины же «отправляют все домашнее хозяйство, на них лежит половина попечений о скоте, они сверх того занимаются рукоделиями и приготовлением одежды себе и детям, они же должны заботиться обо всем нужном для мужей своих, даже иногда седлать им лошадей и сажать их верхом. За все сии труды награждены они рабством, имеют в мужьях своих владельцев, или господ» [15, с. 321–322, 331].

Четвертым признаком «дикости» является отсутствие собственно просвещения, проявляющееся в неграмотности и слабом развитии искусства [16, с. 135]. «Ни образ жизни, ни нравы, ни религия не позволяют киргизам быть образованными. <...> Киргиз, понимающий Ал-Коран и, следовательно, знающий по-арабски, слышет чудом мудрости. Умеющий читать и писать на своем, т. е. на татарском языке, почитается ученым, вообще же не знают они грамоты». Уровень развития искусства казахов А.И. Левшин оценивает как «младенчество», т.е. примитивный, неразвитый. Хотя автор положительно отзываясь о любви казахов к музыке, считая, что они «представляют новое доказательство того, что человек рождается поэтом и музыкантом», сами произведения, по его мнению, «по большей части бестолковы и уродливы» [15, с. 350–352, 386, 388].

Однако данная модель осмысления образа казахов не была использована А.И. Левшиным в чистом виде. В тексте «Описания...» можно обнаружить элементы и первой схемы. Например, исследователь отмечает здоровье, долголетие и силу казахов, объясняющиеся их «близостью к природе». Также казахи в восприятии ученого оказываются не лишенными положительных качеств, среди которых он выделяет «признательность к благодеяниям и почтение к ста-

рикам», правда, с оговоркой, что это «суть лучшие черты его характера и почти единственные его добродетели» [15, с. 301, 321, 324].

Нередкой для литературы путешествий начала XIX в. была и наполненная разоблачительным пафосом полемика автора с фигурой «восторженного» философа, создавшего далекий от реальности образ «добротного дикаря» [16, с. 133]. Размышляя о нравах казахов, А.И. Левшин иронизирует: «Если бы Руссо прожил несколько месяцев в казачьих ордах, если бы он хорошо узнал народ сей, по невежеству, грубости, беспечности и порывам страстей, столь близко подходящий к состоянию его естественного человека, то может быть, мы не читали бы ни его рассуждений о неравенстве людей и о вреде наук, ни тех прекрасных и остроумных софизмов, которыми наполнены многие другие его сочинения» [15, с. 320].

Таким образом, «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей» является типичным для литературы путешествий начала XIX в. описанием картины жизни «дикого» народа, а созданный в данной работе образ казахов есть образ типичных «дикарей». Казахская степь изображалась А.И. Левшиным как неизвестное, отдаленное, огромное пространство, безводная и бедная растительностью пустыня, при хозяйственном освоении пригодная в основном для кочевого скотоводства, населенная полудикими казахами-грабителями, с эстетической точки зрения однообразная и «утомительная для глаз». Однако эта территория имела свои достоинства: запасы минеральных ресурсов, а также удобное географическое положение, позволяющее вести торговлю со Средней Азией, выгоды которой сводились на нет грабежами казахов. Последнее обстоятельство доказывало необходимость цивилизаторской миссии русских в степи.

Образ казахов наполняли такие характеристики, как «дикость», чрезмерная алчность, жестокость, мстительность, невежество, неопрятность и прочие отрицательные качества. Такой негативный образ казахов явился результатом доминирования в российской общественной мысли философии Просвещения, которой свойственно противопоставление «дикости» и «цивилизации» и причисление неевропейских народов к более низкой ступени исторического развития.

Библиографический список

1. Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Межэтнические процессы на Алтае в XVIII — начале XX века (на примере русского и казахского этносов). Барнаул, 2013.

2. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения XIX — начало XX в. Томск, 2004.

3. Лысенко Ю.А. Социально-экономические и культурные аспекты казахско-казацкого взаимодействия в Прииртышском десятиверстном пространстве (XIX — начало XX в.) // Мир Большого Алтая. 2015. №1(3).
4. Бижанов М.К. Казахстан второй четверти XVIII века в трудах и записках русских исследователей : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967.
5. Ерофеева И.В. Казахстан второй половины XVIII — первой половины XIX вв. в трудах и записках русских ученых и путешественников : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1979.
6. Сухих О.Е. Образ казаха-кочевника в русской общественно-политической мысли в конце XVIII — первой половине XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007.
7. Поляков О.Ю. Принципы культурной имагологии Даниэля-Анри Пажо // Филология и культура. 2013. №2(32).
8. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Первые историко-этнографические описания казахских земель. XVIII век. Алматы, 2007. Т. IV.
9. Историко-географические образы Алтая в трудах ученых путешественников и чиновников XVIII — начала XX в. Барнаул, 2016.
10. Вишневецкая В. А.И. Левшин — исследователь Казахстана // Братство народов, братство культур. Алма-Ата, 1985.
11. Гречихова Ю. Современник Пушкина А. И. Левшин и его книга «Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких, орд и степей» // Альманах библиофила. М., 1985. Вып. 17.
12. Ерофеева И.В. А. И. Левшин и его труд «Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких, орд и степей» // Левшин А.И. Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких, орд и степей / под общ. ред. М.К. Козыбаева. Алматы, 1996.
13. Мошна Н.И. Жизнь и творческая деятельность А.И. Левшина // Краеведение. 2002. №4.
14. Муктар А. Геродот казахских степей — Алексей Ираклиевич Левшин // Вестник Челябинского университета. Сер. 10: Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2002. №1.
15. Левшин А.И. Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996.
16. Куприянов П.С. Образы «дикарей» в записках русских путешественников начала XIX века: абстракция и реальность // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 3. М., 2006.